

МОСКВА.

Снѣгъ и темень, предразсвѣтнѣй
Ранній часъ.
Храмъ невзрачный, непримѣтный,
Въ узкихъ окнахъ точки желтыхъ глазъ.

Опустѣла, оскудѣла паперть,
Въ храмѣ то же скорбь и пустота,
Черная престоль покрыла скатерть,
За завѣсой царскія врата.

Нищѣ въ лохмотья руки прячуть,
Съ паперти глядятъ въ стекло дверей:
Въ храмѣ стѣны по́томъ плачуть,
Тусклы ризы алтарей.

Вонъ въ углу, предъ ракою, подъ красной
Грустною лампадой, на полу,
Молятся старушка, въ мукѣ страстной
Всю щепоть прижавъ къ челу...

— Матушка, убогая, простая,
Темная душа! Молись, молись!
Чуть свѣтаетъ эта ночь глухая,
И лишь ты одна глядишь, вздыхая,
Съ крѣпкой вѣрой въ сумрачную высь!

Темень, холодъ, буйныхъ галокъ
Ранній крикъ.
Снѣжный городъ древень, мраченъ, жалокъ —
И великъ.

Ив. БУНИНЪ.